

• Памятники Тверской провинции

Героической крепости

Этот памятный знак в честь образования города Белого появился в 1998 году. Правда, с датой, выбитой на нём (1350 г.), немного ошиблись.

Первое упоминание о Белом (1359 г.), согласно Никоновской летописи, связано с борьбой русских земель с захватчиками. Возникнув в XIV веке на границе русских, польских и литовских земель, город-крепость на протяжении почти трехсот лет отстаивал право быть русским.

В 1506-1508 годах по приказу московского князя Василия III («велел город ставить от Литвы») была построена Бельская крепость – мощное фортификационное укрепление.

В начале XVII века, в период Смутного времени крепость Белая неоднократно переходила из рук в руки. Одной из самых героических страниц отечественной истории является «Бельское сидение» 1634 года. Войска под командованием польского короля Владислава IV, претендовавшего на русский престол, осаждали крепость более восьми недель, потеряли около четырех тысяч воинов, но взять её не смогли. Многократно превосходившие численностью и вооружением защитников, они были разгромлены маленьким гарнизоном крепости Белой.

В 1654 году Белый окончательно вошел в состав русского государства.

Камень для памятного знака безвозмездно транспортировали и установили рабочие предприятий и организаций города. Открытие состоялось в День города.

« В ДУШЕ МОЕЙ ЗА СТЕНКОЙ СЕРДЦА ОЧЕНЬ ТЕСНО... »

Валерий Линкевич

г. Андреаполь

Родился в 1971 г. в Андреаполе. После сдачи выпускных экзаменов работал пионерским вожатым в школе, где учился, руководителем кружков в Андреапольском Доме пионеров и школьников. Служил в рядах Советской Армии. После возвращения домой, был принят на работу в среднюю школу № 2. С 1.08.1993 принят на работу заведующим Андреапольским районным краеведческим музеем. В настоящее время – директор Муниципального казённого учреждения культуры «Андреапольский районный краеведческий музей имени Э. Э. Шимкевича». Стихи начал писать в школьные годы.

ХУТОРОК

*В боях за высоту 237,5 и
н/п Болтово-2 образцы
героизма и мужества проявили...
(Из фронтовых документов)*

Свалилось солнце под откос,
Насквозь простреленное пулей.

И в темном небе вместо звезд
Огнем разрывы полыхнули.

И двинулся навстречу нам
Весь мир, расколотый надвое,
Разделенный напополам
На мертвое и на живое.

За гулким топотом сапог –
Неистовство ночного боя.
Приказ: ворваться в хуторок,
Что называют высотой,

Приказ: держаться до зари
На краешке лесного гребня,
Где, говори не говори,
Живым ли мертвым, – только
небо.

И пусть смертельным нас огнем
Отбросят вниз четыре раза –
Мы овладеем хуторком
Согласно этому приказу!

* * *

Я черной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сем погиб мой взвод.

Оставив за чертою жизнь,
Одну лишь истину познал:
Не убежать, не вознестись,
Не пересечь траншей провал.

Из наших тел, из наших ран,
Из нашей скорби лес пророс.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Слова моих однополчан
Услышите в шелесте берез!

Я, здесь оставшись навсегда,
Для них покой и сон хранил.
Как назывался я тогда? –
Валерий или Даниил?..

Иван, Петро, иль Николай –
Да что теперь! – ни им, ни
вам...

Лишь крики перелетных стай
Ведут отсчет земным годам.

Наверное, таков весь круг:
Теперь уже один из вас,
Далекий правнук или внук
Пропал в сражение за Кавказ.

На рубеже столетий двух
Погиб на грозненском мосту.
Как я – его тревожный дух
Не сможет пересечь черту.

Я черной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сем погиб мой взвод.

* * *

Поднялась пыль – и улеглась.
И нехотя скрипит телега.
Вот так бы до скончания века
Катить вперед не торопясь.

Не веря солнечным часам
До ночи ехать по просторам
И улыбаться небесам,
Цветам, и людям, и озерам.

И, не стесняясь нипочем,
Ни смолки алой, ни ромашки,
Сидеть на сене без рубашки,
О жизни говоря с конем.

Над головою – зуд слепней,
А выше – жаворонка песня.
И потому в душе моей
За стенкой сердца очень тесно.

Вдыхая запах трав неслышный,
Замешанный с соленым потом,

Пою по журавлиным нотам:
«Мой милый край, я здесь не
лишний».

* * *

Отчего собаки
воют в темноту?
Знать, нечистый бродит
где-то за версту.

Путников усталых
водит вокруг дорог.
Зажигая в чащах
света огонек.
От тоскливой думы
шумно плачет в ночь,
Из следов звериных
вяжет узорочье.
И заботным людям
просто невдомек:
Он, как в поле ветер,
страшно одинок.

МАТЕРИ

Через лес в гуртах малины,
Через поле с синим льном,
Довезет меня машина
До деревни Любино.

Пахнет сеном, пахнет медом
Над зеленою межой.
Мать моя отсюда родом,
Значит – сам я здесь родной.

И по случаю такому,
Совершенно незнаком,
Ну совсем по городскому
Постучусь в ближайший дом.

«Кто? Свои или чужие?» –
Тихо скрипнет дверь в ответ.
«Краснобаева Мария
Вам горячий шлет привет!»

«Заходи скорее, просим!»
Под ногами чистый пол.
Старики усадят гостя
За широкий крепкий стол.

Обитатель сказок древних –
В печке пляшет домовый.
За окном гудит деревня
Шумной жизнью трудовой.

Дышит светом и уютом
Милый русский уголок.
Эту радость почему-то
Я у сердца приберег.

Как же мало человеку
Все же времени дано!
Расскажу, домой приехав,
Про деревню Любино,

Где над дальними лугами,
И над спеющим жнивьем
Тихо бродит наша память
Заблудившимся конем.

* * *

Художнику Евгению Ефимову
Стылый ветер вдыхая
простуженной грудью,
Замер парк городской, наблюдая,
как с неба,
Опустилось на мир состояние
грусти
Акварельною свежестью первого
снега.

Созерцая в душе краски
замыслов Божьих,
Напевая деревьям старинную
сагу,
По аллее пустынной шагает
художник
В мастерскую, где ждут его
холст и бумага.

В тесной комнатке он так
доступно и просто
Парк напишет, из теней
причудливо соткан...
К добрым людям и к белым
октябрьским звездам
Унесутся, как птицы, по ветру
полотна.

* * *

Когда покинет город сон,
И утро – сумрачно и мглисто,
О ком, о ком тоскуешь, клен?
О ком роняешь грустно листья?

В кого успел влюбиться ты
Весной холодной, знойным
летом?

О ком, скажи, твои мечты,
И знает ли она об этом?..

* * *

Для слишком неугодных шей
Во времена любых свобод
Всегда наделают петель,
Всегда поставят эшафот.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 46 (февраль)).

Письмо сорок третье

ВОПРОС жизни и смерти! Кому и во что мы верим. Если я верю мерзавцу и негодяю, то пенять надо только на себя, если хорошему человеку, то тоже. Почему же мы ошибаемся? Наверное, потому, что зло внешне имеет вид, именно вид, добра, наша доверчивость имеет основой неопытность или дурь во всех ее видах.

Почему и как можно обмануть человека? Это целая наука! И за нею века исторического опыта, не говоря о школе Остапа Бендера об «честном» отъеме денег у граждан. Основа основ – убедить человека в том, что это:

- нужно ему;
- неизбежно, как все;
- принесет ему пользу.

Главное – придать злу вид добра. В добро его превратить нельзя, можно только придать вид. И убедить как можно большее число людей в этом, чтобы зло стало общественным мнением. Тогда зло царствует. Примером, – вся наша жизнь: от торговых приставал до убеждения, что от тебя зависит выбор президента.

А представь себе, что никто не пойдет на выборы, и что?... В речах

Письма сельского почтальона

Вешнякова однажды уже прозвучала угроза о том, что надо издать закон и заставить, обязать, наказать, и т. д. Где же свобода выбора? У нас в магазине как-то гречка стоила тридцать с лишним рублей, ее никто и не брал. Через полгода – цена упала до какой-то нормы.

Представь себе, что «вдруг» все перестанут покупать что-то, те же автомобили, и что будут делать «предприниматели»? Автозаводы встанут или начнут сбрасывать цену до какой то приемлемой. Кто может покупать конфеты Коркунова? Те, у кого есть на это средства. Коркунов честный, я полагаю, предприниматель, он отвечает за свою продукцию и ее качество, в отличие от тех, кто под маркой «Красного Октября» или «Бабаевской», или «Рот-фронта» выпускает дерьмовую пасту, издавелека напоминающую шоколад. ГОСТов-то нет. Очень удобно. Ведь кто-то отменил ГОСТ, т. е. планку качества.

Так вот, возвращаясь к Коркунову. Он, создавая свое производство, строил свои расчеты на человеческих слабостях и похотях. Шоколад-то пользы организму не дает, а только пестует болезнь аристократов – подагру. Он же не говорит на каждом шагу о том, что шоколад вреден. Луковица-то больше пользы принесет (или репа), и для зубов шоколад вреден (не для вставных, конечно), а репа только пользу принесет. Ее русские люди ели и медные пятики перекусывали, и за штырь для ниток швейную машину поднимали... А? Но мы отказались от здоровых зубов. И опять кто-то наживает сумасшедшие деньги, на ком? На дураках. Т.е. тебя обманывают. Ты это где-то в глубине души, где еще дышат батарейки индикаторов истины, чувствуешь, но все равно

ползешь, как все, как все, как все!

Я когда пас овец, много интересного видел и наблюдал, аналогичная масса. Голодное стадо вышло в поле, в это время треснула упавшая ольха, баран рванул и за ним все стадо, через брод и в деревню. Прибежали и встали на дороге, стоят в недоумении, причем ягнят я вынужден был на руках переносить т. к. они за стадом в воду, а им глубоко, но все равно лезут, и не остановить, бежишь, пытаешься завернуть, щелкаешь кнутом. Глухо! Обходит и бегом, одно слово – бараны! Вот этот инстинкт стада и служит главной целью создания общественного мнения. Значит, если сосед начнет выбрасывать мусор с балкона и его никто не остановит, затем весь дом будет делать это, а чем я хуже других? И если я один буду выносить его в мусорный бак, то на меня будут смотреть как на идиота, и указывать пальцем, а если буду упорствовать против общественного мнения, то могут и побить.

У нас на глазах сначала с помощью общественного мнения, совершили развал страны, а теперь с помощью того же общественного мнения начинают ее «собирать». И те, кто «пели» о цензуре, о зажимах, о том, о сем, сейчас поют совсем другое, как, оказывается, было хорошо и в искусстве, и культуре, и т. д., и т. п. Включи радио или телевизор, и уже сквозь потоки дерьма начинают просачиваться нотки ностальгии, и уже Америка не друг, и уже, оказывается, армия нужна и деньги на оборону. А ведь только что стоял истощенный вопль о том, что лучший друг – это США, и они нам только добра желают, а мы это просто

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

не понимаем, привыкли жить в империи зла. Так кто те бараны-то, что рванули все стадо? Может, народу пора вспомнить свою мудрость, что «паршивую овцу-то из стада вон».

Может, надо пристальнее посмотреть, кто сегодня жирует? И в чем достижение «перестройки»? В том, что большая часть народа осталась с копеечной зарплатой и пенсией, а «сливки» общества в сотни ртов хохочут в лицо народу, еще и обливая его грязью?

Так кому и во что мы верим?!

Может, пора начать думать не желудком и тем, что ниже пояса? Начать верить не болтунам и шелкоперам, а тому, что веками лежит рядом и есть Истина, проверенная ты-ся-чет-лет-ним человеческим опытом, десятками веков и сотнями поколений.

Какая «наука» может сказать, что будет завтра? Никакая! Самая раз-Нобелевская! Ни-ка-кая! И катастрофа, унесшая десятки тысяч жизней, доказательство этому! Что сказал Спаситель? «Ели, пили, женились, выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так же было и в дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, сажали, строили, но в день, когда Лот вышел из Содомы, пролился с неба дождь

огненный и истребил всех (Евангелие от Луки, глава 17 стихи 27-29).

Когда спросили Господа, где это будет снова, он сказал: «Где труп, там соберутся и орлы». А от нас смердит, господа, сказал бы я, но мы привыкли к этому запаху, забывая его шампунями, мылом, одеколоном.

Стиральный порошок несет гибель человеческой коже, легким и т. д., но, ах, как пахнет и как удобно. А те, кто знают цену всему этому, до сих пор и себе и детям, трут на терке хозяйственное мыло, и чистота не хуже, чем «Чистотайд». Но реклама стальными когтями и миллиардными оборотами вцепилась в наши мозги и души.

Так вот, зло, оно и живет этими человеческими слабостями и желаниями, и инстинктами.

Чем, Господь сказал, можно все это отразить? «Постом и молитвой». Ну да! Найди дураков. Надо «оторваться по полной», а тут посты... На что Спаситель сказал: «Званы все! Придут немногие, всегда было малое стадо», и оставил людям в помощь Церковь, апостольскую, соборную. Которая единственная знает дорогу к Истине и счастью. Поэтому ее и стремится разрушить зло. Но путь этот лежит через ограничения и самодисциплину.

Но как только мелькнут в душе

человека мысли о том, что простая пища, физический труд на земле, чистый воздух, покой и тишина, крепкая, большая и здоровая семья – это от Бога, вот тут(!) дыбом, агрессивно и тотально встает на задние копыта зло! Чудовище рекламы, СМИ, академии, институты, наука, общественные организации, все то, что человек сам же изобрел, потакая своим слабостям, – с рычанием бросаются на него.

Ну, где наш разум-то? Ведь надо отказаться от вкусенького, а это такое удовольствие, такая радость! Ах, как хорошо! Ну, тогда не ходи и не жалуйся по врачам, но помни: «Пировали, веселились – подсчитали, прослезились». И что за все(!). за все надо платить. За каждое слово, за каждый шаг, за каждую мысль, но там, там (как нам кажется), далеко: где-то на выходе... А! Наливай! Живем один раз! Только смысл-то в этом другой – «Береги час» и «Спешి делать добро».

Глас вопиющего в пустыне! Покайтесь, пока не поздно! Сказано в Благой вести! И крик этот, и зов этот сотни лет звучит над планетой, которую мы терзаем в своей беспощадной глухоте!

Пока.

*Твой Д.ВА.
февраль 2005*

Вечер романса в Луковникове

Работники Луковниковского Дома культуры Старицкого района подарили всем жителям и гостям поселения незабываемый вечер русского романса. Атмосфера праздничного концерта была наполнена непостижимой, прекрасной и удивительной, пленительной и страстной, чарующей и вдохновляющей, волнующей и хрупкой

мелодией души. Романсы в исполнении Л.Ю.Макаренковой, А.Б.Соловьевой, Н.Б.Михайловой, Н.Н.Королевой не оставили зрителей равнодушными.

Александра Наумова,
*исполняющая обязанности
заведующей Луковниковским ДК.*

Писатель Фёдор Попкович и его народные предания о городе Белом

Многим бельчанам известны легенды о нашем городе, связанные с Бездонным озером, Поклонной горой и др. Они были опубликованы краеведом П.С. Поляковым. Дошли до нас они благодаря нашему земляку писателю Федору Федоровичу Попковичу.

ОТЕЦ его был обер-офицером. После окончания Бельской приходской школы в 1812 году Федор был зачислен в штат писцов одного из бельских присутственных мест. Одаренный светлым умом, прекрасной памятью, стремлением к чему-то высшему, Попкович мечтал вырваться из душной атмосферы канцелярии, и, настойчиво преследуемый мыслью оставить малую родину, которая не представляла ему никакой отрадной перспективы в будущем, он нашел случай переселиться в Санкт-Петербург, где при помощи добрых людей определился в какой-то департамент на службу.

Чуждый развлечений, свойственных молодости, Попкович углубился в самопознание, занялся серьезным чтением и сблизился с просвещенными людьми, общение с которыми благотворно влияло на него и образовывало его ум. Он занялся латинским языком, вдавался в филологические исследования о древнем санскритском языке, принялся за разработку исторических материалов.

И подвижки его в этом направлении увенчались успехом. Тогдашние литераторы протянули ему дружескую руку, и, по предложению Федора Николаевича Глинки, Попкович был избран в действительные члены Санкт-Петербургского общества любителей словесности.

Общество ценило знания и способности Попковича; это видно из того, что он неоднократно избирался в должностные лица: так, во вторую половину 1819 г. он был цензором прозаических статей, в первой половине 1820 г. — библиотекарем и членом цензуры и комитета, в котором во вторую половину состоял, кроме того, и секретарем. Он состоял также действительным членом Общества любителей словесности, наук и художеств.

Из статей Попковича напечатаны в «Соревнователе Просвещения и благотворения» следующие: 1) «Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии» (1818 г., ч. II, № 4, стр. 126–130; перепечатано в «Смоленских губернских Ведомостях» 1857 г., ч. неоф., № 34); 2) «Жизнь И. И. Шувалова» (там же, № 6, стр. 401–423), — статья, составленная по запискам, сообщенным кн. Ф. Н. Голицыным, и читанная на полугодовом собрании Общества 24-го июня 1818 г.; 3) «О воображении» (перев. Из «Dziennik Wilenski» — (1819 г., ч. VII, стр. 25–42); 4) «Плач родителей над прахом сына». Отрывок из поэмы Рама-Яна, творения на санскритском языке индиянина Вальминия; переведено из недавно вышедшей в

Варшаве книги «O Stacoianach i ich pobratymcach» (ч. VIII, стр. 3–21).

Кроме того, он в 1818 г. на публичном собрании Общества 20-го мая читал свое сочинение в прозе «Поляки в 1812 году».

Жизнь Федора Федоровича была недолговечной. Не успев самовыразиться, в возрасте 35 лет он умер, т. е. около 1835 года.

К сожалению, все статьи его уже забыты, да и память о нем сохранилась лишь благодаря бельскому дворянину Николаю Матвеевичу Ельчанинову. Ельчанинов знал лично Попковича с 1825 года, а потом, уехав из Санкт-Петербурга, потерял его из виду. Значительно позже в доме одного из своих родственников он нашел кучу старинных журналов, в том числе несколько трудов Общества любителей Российской словесности за 1818 год. Перелистывая эти книжки, Николай Матвеевич напал на статью «Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии», подписанную Попковичем. При чтении статьи в нем возродилось желание напомнить об авторе в его родном крае, и он попросил редактора «Смоленских губернских

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

ведомостей» опубликовать сочинения Попковича в неофициальной части газеты. Статья была напечатана в 1857 году в № 34 «Ведомостей» на страницах 206-208.

Думаю, читателям будет интересно познакомиться с ней, несмотря на то, что многие уже слышали эти легенды, но в измененном стиле.

Т. Чистякова

О городе Белом

Белый окружается с севера и востока длинным хребтом возвышений и болотами; с юга – горами Поклонною и Красною. Болото, горное озеро, огромный насыпной вал и другое озеро – Бездонное – заключают западную сторону. Сей город основан, так сказать, рожден и погребен среди лесов, между гор и озер. Начало его покрыто мраком неизвестности, и светильник истории озарил его не прежде XIV столетия. Многие причины заставляют, однако же, верить, что он существовал перед тем еще очень долго.

В окрестностях оно находило древнее оружие, а возвышенные во многих местах целые ряды могильных бугров – вековые хранилища костей человеческих, памятники совершенных там великих событий и кровавых битв враждебных народов.

Бездонное озеро

В старину, когда город был еще славен, многолюден и обширен, так что одних церквей и монастырей 77 насчитывали, в один из праздников Святой Пасхи множество жителей стеклось ко всеобщей в монастырь, стоявший на этом самом месте, где теперь Бездонное озеро. Внезапно потряслась земля, расступилась, и открытая пропасть пожрала монастырь со всеми в нем бывшими. Ужасную бездну захлынула вода; образовалось озеро.

Предпринимали измерить глубину, опускали гири на стосажженных цепях – все напрасно, дна не достигли. Пускали в него щуку с продетым сквозь жабры кольцом; через сорок верст, в озере Чичатском, очутилась она через некоторое время. Таким образом, узнали о подземном сообщении сих вод; а всплывший на поверхность озера руль и другие обломки разрушенного корабля убедили и в важнейших сообщениях; жители назвали озеро Бездонным.

Гора Красная

Король Польский перенес шатры свои на сию гору и дал великий пир своим воеводам. Солнце лежало на златотканых наметах королевских; и ветры разведали знамена разноцветные. Гора оказалась одетою в серебро и пурпур. С тех пор прослыла она Красною.

Поклонная гора

Были времена страшные, ходили рати сильные. Поляк и злой литвин нападали на Белую. Леса темные, болота непроходимые не защищали ее; Москва была далеко, враг сходил за горою близ города. Беляне стекались в храм Божий, молились, подняли Святые Иконы с хоругвями церковными и пошли на неприятеля. «С одним Богом на сто врагов», – говорили они и пустились. Взошли на гору: показались станы польские и литовские. Тронулись враги навстречу им: приближались, завидели Святые Иконы с хоругвями церковными, и очи их смутились. Не допустил их Бог злодействовать, назад идут – путь видят; вперед взглянут – опять очи их меркнут. Тут узнали они зло свое и раскаялись. Отдали Поклон Святым Иконам с хоругвями церковными и отступились от города. Беляне возвратились с честью и назвали гору Поклонною.

• Письмоносец

Этот ряд можно дополнить...

С большим интересом прочитал обстоятельные статьи Татьяны Александровны Чистяковой о связях с бельским краем Георгия Лермонтова – предка Михаила, а также философа и писателя В.В. Розанова, поэта Иннокентия Анненского. Этот ряд можно дополнить.

В книге М.А. Белозерова «Историческое обозрение Бельского края» (литературный раздел в ней готовила Татьяна Александровна Чистякова) приводятся такие факты. В 1606 году в крепость Белый был направлен воеводой Гавриила Григорьевича Пушкин – предок А.С. Пушкина. Село Голощапово Бельского уезда с начала XVII века являлось родовым имением Баратынских. Сюда, после исключения из Пажеского корпуса, Богдан Андреевич Баратынский привез своего 16-летнего племянника Евгения, будущего поэта. Первую любовь Баратынский встретил в Бельском крае. Еще мальчиком в Петербурге он познакомился с дочерью бельского помещика Варенькой Кучиной, с которой продолжал общаться, пребывая в Подвойском. Позднее, став поэтом, он посвящает ей свои лучшие стихи – элегии «Разуверение» и «Признание». В Бельский край приезжал в начале 30-х годов, будучи сотрудником одного из журналов города Смоленска, Александр Трифонович Твардовский.

Далеко не каждый край нашей области может отметить такой богатой литературной историей, и такими подвижниками как Татьяна Александровна Чистякова. Спасибо ей за ее труды!

С. Николаев

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Любовь Семёнова

Родилась и выросла на Урале. Проживает в городе Бежецк Тверской области. Стихи пишет с детства. Член Российского Союза Писателей, член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор двух сборников стихов: «Подниму упавшую звезду» и «Навсегда я тебя люблю», участник нескольких коллективных сборников: антология «Земляки», «Вся Россия», «Окрылённые рифмой», «Солнечные блики», журнал «Сергиев».

В СЛЕПНЁВО

Ахматовой

Я снова в синей комнате, когда
Вечерний свет сквозь плотные
завесы,
И маятник усталый счёт годам
Ведёт, не нарушая равновесья.
А в этой комнате живёт её тоска
По жизни, что уже не повторится,

Глядит в окно, как плачут облака,
Из дома, словно замкнутая птица.
И колокол на дальней церкви бьёт
Печаль и радость ровным
перезвоном...
И ждёт она, что милый друг
придёт,
Взорвав тоску, наперекор законам.

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ...

Когда весенний ветер среди туч
Откроет неба чистого овал,
Когда коснётся первый тёплый луч
Зимы притихшей снежных
покрывал,
На глубине замёрзшей, у земли
Почувствует решительный толчок
Весна и силой ласки и любви
Растопит снег и выпустит росток!
И срок придёт, когда цветку

цвести,
А пчёлам – собирать душистый
мёд...
Есть свой порядок в жизненном
пути
И всякой мысли – тоже свой черёд!

Елена Давыдова

Родилась 9 декабря 1986 г в городе Астрахани. С 1991 года проживает в Твери. Член литературного объединения «Рассветная звонница», член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор двух поэтических сборников: «Мне туманы напели шёпотом» (2004 г.) и «Второе дыхание» (2017 г.), а также многочисленных публикаций в российских и международных изданиях. Лауреат различных премий.

Произведения Елены Давыдовой неоднократно звучали по радио, представлены в аудио-сборнике «Рассветные голоса над Волгой»; на стихи тверскими композиторами написаны песни.

BECHA

[illegible]

Так выходят – под занавес к
зрителю,
Собирая оваций ворохи...
Но бывают такие воители,
Что с порога войдут – и
всполохом!

Долгожданное мне спасение!
Зацвела, зазвенела, выстрелила!
Сумасшествие ты весеннее,
Мы вдвоём непременно выстоим.

ДЕТСТВО

(Астрахани)

Поезд, прощаясь с вокзалом,
вздрагнет и... тронется,
В окна с перрона закинут обрывки
фраз.

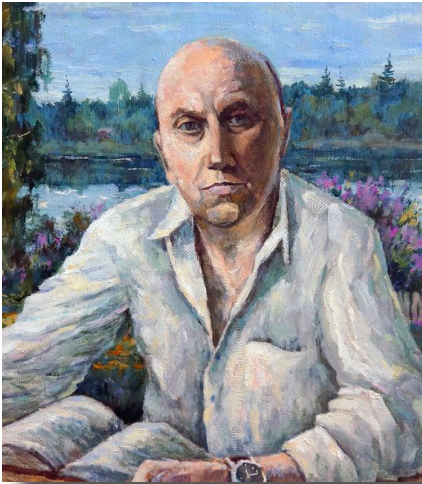
Я опущу глаза провинившейся
школьницей:
Город родной, уезжаю...в который
раз...
Детство моё у твоей остаётся
пристани,
Лодочкой хрупкой в Каспийском
морском плену.
С каждым визитом его охраняю
пристальней,
Только оно скрывается в пелену.

Свидимся. Подожди, подожди,
хороший мой!
Новое Детство я тебе привезу:
Будет шагать за ручку малыш
взьерошенный,
Галькой тревожить водную
органзу.

Будет ловить ладошками солнце
яркое,
Смех разливая в объятиях золотых.
Будет с тобою связан билетами,
марками,
Свидимся. Ты встречай: уже нас –
двоих!

• **Литературное краеведение**

Игорь Годенков

Игорь Леонидович Годенков родился 23 февраля 1959 года в г. Торопце. Проживал в п. Октябрьский Торопецкого района (в/часть), окончил Октябрьскую восьмилетнюю школу и Старо-Торопскую среднюю школу Западновинского района. Учился в Ленинградском военно-механическом институте, служил в армии, где впервые в газете «На боевом посту» Московского военного округа были опубликованы его патриотические стихи. В 1983 году женился и проживал с семьей на Украине, под Киевом, в г. Макарове. Окончил Киевский университет имени Т.Г. Шевченко, став преподавателем русского языка и литературы. Работал военруком, учителем. Окончив Киевский педагогический институт имени Б. Гринченко по специальности «учитель английского языка», стал заместителем директора и директором школы.

«Двадцать лет – вдали от родных мест. Нечастые, недолгие приезды домой – отогреться сердцем, напиться живой воды от родных истоков, набраться сил для дальнейшего пути по жизни», – напишет он. Умер 10 мая 2018 года.

ГЛУБИНКА

Деревни русские – где царствует
 бурьян,
Где ветхость нежилой питает
 воздух,
Где одиноко утренний туман
Рассветные глотает в небе
 звезды...

Покинутый глубинный наш исток,
Обрубленные нами наши корни,

« ТАМ ЧАСТЬ ДУШИ МОЕЙ... »

Дырявой памяти струящийся
песок,
Где совесть под травой укрыта
сорной!

Звенит печалью гулкой тишина,
Отчаянье и боль – как на
поминках...

«Глубинка» русская! Ну, в чем твоя вина?

Да и твоя ль она?..

Молчит «глубинка».

Не пишем адрес их на
скромненькой открытке,
И о себе не подаем мы вестъ —
Друзьям мы в планах не отводим
мест...

Но иногда тревожно ищет взгляд
Чего-то близкого и нужного

потерю –

И, не найдя, не может он поверить,

Что не нашел – и тухнет, виноват...
Своих друзей тревожно ищет
ВЗГЛЯД...

ТАМ – ЗА ЛЕСАМИ...

Там – за лесами, туманами,
Там – за полями, курганами,
Далями, рельсами, шпалами
Спит деревенька моя...
Звезды там светят высокие,
Дремлет туман над осокою,
Тишь обвила поволокою
Эти родные края...
Родина, родина милая,
Сосны, березоньки с ивами -
И беззаботно-счастливые
Юной надежды года...
Там – часть души моей спрятана!
Пахнет там мятой и ладаном,
Там, за забором залатанным
Счастье мое и вина...
...Там – за лесами, туманами,
Там – за полями, курганами,
Далями, рельсами, шпалами
Детства живая вода...

* * *

...Мы растерялись в круговерти
лет...

Нас разделили – дали и границы,
Глаза чужие и чужие лица,
Чужих любовей незнакомый свет –
Мы растерялись в круговерти лет.
Мы позабыли крепкий жим руки
И радость встреч, нечаянных,
нечастых,
Мы позабыли старой дружбы
счастье,

И — близкие — мы стали далеки.
Мы позабыли крепкий жим руки...
И в наших планах не отводим мест
Мы для друзей — далеких,
позабытых.

ГДЕ-ТО В КРОВИ...

...А где-то в крови,
глубоко-глубоко,
Запрятана жизнь моих предков,
Сгоревших в горниле боев и веков,
Со смертью сыгравших в
рулетку!..

Не знаю, не ведаю дат и чинов,
Имен и героических свершений –
Но знаю, что честно стекала их
КРОВЬ

Под корни грядущих мгновений,
Где память о них уже еле жива...
Зато там есть я – их потомок,
Который когда-то услышит слова
Из времени дальних потемок,
И вспомнит и бой, и полет рысака,
Эфеса серебряный холод,
И посвисты шашек, и крики
“Ура!”

Победное знамя над полем,
Осевшую пыль на головках цветов,
Кровавого боя отметки...
А где-то в крови, глубоко-глубоко,
Запрятана жизнь моих предков.

* * *

Эти шпалы – ступеньки в родные
края,
Эти рельсы ведут меня к детству,
Где живет до сих пор
беззаботность моя –
С юным счастьем моим по
соседству...

И чем дальше от дома я в жизнь
И чем долгие скитаюсь я где-то —
Тем сильнее почему-то я сердцем
Тужу.

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Вспоминая ушедшие лета...
Были яркие дни, были краски

чисты,
И свежи неповторным сияньем,
Исполнялись надежды, сбывались
мечты,
И не ведало сердце
прощанья...

БАБУШКИНЫ ГЛАЗА

Я вспоминаю бабушки глаза...
Они синели детской глубиной,
Такой любовью и таким покоем,
Так много мне хотели рассказать...
Я вспоминаю бабушки глаза –
Лазурный цвет, вместивший ласку
Неба,
И мягкость свежепеченого хлеба,
И строгие иконы – образа...
Я вспоминаю бабушки глаза.
Их горе не застило злою пленкой,
Не иссушило пустотою звонкой,
Не выела страдания роса...
Я вспоминаю бабушки глаза,
Лучащиеся вечной добротой,
Такой любовью и таким покоем!
Я вспоминаю бабушки глаза...

КИПЕНЬЕ ЧЕРЕМУХ

Кипенье черемух! Черемух
кипенье!
Под солнцем весенним – метель!
Плывет аромат из заснеженной
пены,
Собой обнимая апрель,
И белой фатой подвенечной
украшен
Убор у невесты – земли...
Кипенье черемух – что может быть
краше?
Вдохни этот запах, вдохни!
Наполни себя пробудившейся
силой,
Очистись кипеньем красы –
Чтоб белая вьюга тебя опалила
Огнем наступившей весны!
Кипенье черемух! Черемух
кипенье!
Весенний идет снегопад!

Как чудо из сказки –
под солнцем весенним
Черемух плывет аромат...

* * *

Глаза закрою – и увижу просинь,
Зависшую над лугом у реки,
Взгляд незабудок в начатом покосе,
Испуганно застывших у ноги,
Блестящую играющую россыпь,
Мозаику всех красок и цветов,
И серебра сиянье в нежных росах,
И шелест трав, разнеженных от
снов –
Неповторимость всех оттенков
утра
Под солнцем ласковым и
нежностью небес...
И Чей-то светлый взгляд,
смотрящий мудро
На этот полный жизни цвет и
блеск...

РОМАШКИ

Когда зимою мир вокруг
раскрашен,
Когда на всем лежит белесый снег –
Я вспоминаю белые ромашки
И слышу их веселый летний
смех...
В цветущем поле в ярком буйстве
красок,
Как островки небесной чистоты,
Горят глаза смеющихся ромашек –
Созвездий нежных тихой красоты!
Я обойду склоненный колокольчик,
Иван-да-Марью, клевер, василек –
Чтоб вслушаться, как ласковее,
звонче
Звучит ромашек смех у самых ног.
Я наклонюсь погладить их
головки,
Вдохнуть их запах, выпить яркий
цвет,
Запомнить голос
серебристо-тонкий,
В котором даже капли фальши
нет...
Я затеряюсь в волнах этих белых,
Я утону среди соцветий их,

И растворюсь душой, забыв про
тело...
И напишу – зимою – этот стих.

* * *

...Просто осень пришла, просто
ветры подули,
По-бандитски деревья раздвиг
догола,
Просто холодом в небе рассветы
вдохнули
И нечаянно сдули остатки тепла...
Просто шелестом желтым
наполнились звуки,
По-сиротски прижавшись к
остывшей земле,
И подростки-кусты тянут жалобно
руки
К потускневшему солнцу с
мольбой о тепле...
Просто сыростью грязной пугает
нас вечер,
И неласково небо за мутным окном –
Это грустная осень накрыла нам
плечи,
И томимся мы сердцем, грустя ни
о чем...

БРАТЬЯМ – СЛАВЯНАМ

Эй, братья славяне! Вас так
разбросало,
Что в даях не слышите крови вы
зов –
Что с вами случилось? Эй, братья,
что случилось?
Забыли славяне завет праотцов...
Вас делят на части, кромсают на
доли,
И режут по судьбам ножами
границ.
Доколе, славяне? Эй, братья,
доколе
Терпеть унижение от ставящих
ниц?!
Эй, братья – славяне, вас зов
Колыбели –
Прародины вашей звенящая боль
Пробудит от сна? Иль завязли в
уделе
Разрезанных судеб, искромсанных
доль?..

(Портрет работы художника
Ю. Никанорова, г. Западная Двина)

«Я НЕ БОЮСЬ НЕ БЫТЬ...»

*Памяти военного корреспондента
Александра Харченко*

Впервые я увидел его, тогда стройного, с пышной шевелюрой, полвека назад на журфаке Ленинградского госуниверситета. Саша, стоя в окружении студентов на лестничной площадке, с кем-то из них отчаянно спорил. Потом мы случайно пересеклись на вечеринке в общежитии. А близко познакомились много лет спустя, когда Александр Харченко получил назначение собственным корреспондентом ИТАР-ТАСС по Тверской и Смоленской областям.

Тогда-то и узнал я, что отец Саши был кадровым офицером-фронтовиком, чудом спасшимся на войне. В 1942-м, на Южном фронте, политрука-танкиста Антона Филипповича Харченко тяжело ранило в бою. Его посчитали мертвым, собирались хоронить в братской могиле, но ординарец на всякий случай поднес зеркальце ко рту своего командира: оно запотело. Политрук оказался в одном из московских госпиталей. В столице познакомился с будущей мамой Саши – Ниной Ивановной. В 1944-м они поженились. Саша явился на свет в 1948-м по месту службы отца, в азербайджанском Кировабаде (сейчас Гянджа). Вскоре Антона Филипповича перевели служить в Таллинн, где и прошли детские и юношеские годы Саши, и где он сделал первые шаги на стезе журналиста. Он активно занимался боксом, выполнил норму первого разряда, входил в молодежную сборную Эстонии. Проявлял интерес к парусному спорту.

Это пригодится в 1980-м, когда Харченко станет спортивным обозревателем Эстонского телеграфного агентства (оно относилось к ТАСС) на Олимпийских играх в Москве. Но не меньше влекли его литература, искусство, история. Саша с раннего детства собирал оловянных солдатиков, увлеченно играл с ними в «войну». И совершенно не представлял, что придет время и ему придется многожды побывать на настоящих войнах.

В 1989 году Александра Харченко утвердят заведующим корреспондентским пунктом ТАСС в Эстонии, а в 1992-м последует перевод в Тверь. Можно сказать, что это было вынужденное решение. Еще в 1989-м Харченко вызвал недовольство эстонских властей тем, что в газете «Советская Эстония» подверг критике инициативу установить памятник членам шпионско-диверсионной группы «Эрна» – отдела управления «Заграница/абвер» военной разведки Германии. В последующем отношения с руководством Эстонии еще более обострились.

...Журналист советской школы, для которого слова «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете», не пустой звук, а состояние души, Саша без устали курсировал в 90-е на синенькой «Ниве» по Тверской области, выезжал в Смоленск и отовсюду давал злободневную информацию. Это только непрофессионалам (их в теперешней журналистике множество), представляющим все газетные жанры в форме пространных «портянок», кажется, что информация – простенькое дело. Нет, надо

отыскать интересный, значимый факт, преподнести его кратко, но емко. Саша умел это делать мастерски. Впрочем, скоро выяснилось, что Харченко не просто собкор, а еще и специальный военный корреспондент. Чечня, Южная и Северная Осетия, Грузия, Дагестан, Приднестровье, Таджикистан, Ингушетия, Босния и Герцеговина... Полсотни командировок в «горячие точки» за его спиной, из них свыше двадцати – в Чечню.

Так вышло, что областная газета «Тверская жизнь» (бывшая «Калининская правда»), которую мне довелось многие годы редактировать, стала для него вторым домом. Почти перед каждой командировкой Саши в «горячую точку» в редакции устраивались для него проводы с напутствиями. По возвращении, он накрывал скромный стол для узкого круга, рассказывал о своей очередной поездке, исполнял под гитару свои песни, читал стихи.

К слову, несколько песен на его стихи были написаны профессиональными авторами. В 1970 году в Таллинне выступала французская певица Жюльетт Греко. Харченко, присутствовавшего на этом концерте, впечатлила песня про квартал влюбленных в Париже – Сен Жермен де Пре, и он решил придумать собственный Сен Жермен де Пре. Родилось стихотворение

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

о Таллине под названием «Маленький Париж и придуманный квартал Сен Жермен де Пре». Как-то у студентов 4-го курса журфака в Ленинграде случилась маленькая пирушка. Оказавшись в кампании, Саша исполнил несколько своих песен, в том числе «Сен Жермен де Пре». К нему подсел незнакомый парень, представился: «Владимир Мигуля». Сказал, что учится в консерватории и предложил написать музыку этой песни, попросив заменить в стихах Таллин на квартал-мечту. Впервые песня была исполнена Владимиром на «Голубом огоньке» в 1971-1972 гг. и посвящалась Алле – будущей супруге Саши.

Со временем романтика мирной жизни, любви не исчезла из творчества Харченко, но все большее место стала занимать суровая тема войны. Первая его книга «Тост подполковника Антонова» (2000 г.) была поэтической. Стихам предпосланы воспоминания коллег Саши по Чечне:

Владимир Мезенцев, «Российская газета»:

«Вот после взрыва врывается в комнату дуайен нашей беспокройной братии Саша Харченко и, выхватывая аппарат у «Радио России», командует: «Устанавливай!» В распахнутое окно вытягивается антенна, и тассовец первым сообщает сенсацию...»

Алексей Самолетов, тележурналист, информационная программа «Время»:

«Свою первую пулю я выцелил из бетонной стенки в Курган-Тюбе. А ты, Саша, свою первую пулю выцелил из стенки в Тбилиси... Если мы сможем выжить – дай Бог! Не сможем – дай Бог тоже... Салют!».

Игорь Погосов, офицер пресс-службы УВД Ставропольского края:

«В тот мартовский день свободные от дежурства у амбразур сбежались посмотреть на гражданского человека, который вывел, под обстрелом, из окружения группу чеченских милиционеров и еще кого-то. Действительно, крупный

мужчина в армейских ботинках и совсем не военной ламинированной визиткой «корреспондент ИТАР-ТАСС» на груди, звонил по нашей линии на «большую землю» и убеждал явно женщину, что это действительно он. Немного контужен, поэтому говорит громко. И что слухи о его гибели – пустые домыслы... Что Харченко жив, подтвердил в одном из своих репортажей из стреляющего Грозного корреспондент ОРТ Григорий Брынза...

– Я не боюсь не быть, – сказал мне как-то Саша. – За свою работу мне не стыдно, вот и весь смысл жизни.

Только недавно узнал, кого тогда, на чеченской войне, он цитировал – Поля Армана – одного из добровольцев на совсем уже многими забытой войне в Испании.

Действительно, журналист и поэт Александр Харченко не боится «не быть».

Кажется, и сейчас звучит для меня его прерывистый голос: И носила нас судьба От Сахары до Бамута. Не забыть мне никогда Это проклятое утро.

В цепь венки! Пришла беда... Ветки хвои на дорожке. Тусклым золотом Звезда У сынишки на ладошке.

Ночью душу рвет Чечня. Там у смерти когти цепки. Третий молча: «За тебя, Подполковник из разведки...»

Саша сторонился политики, принадлежа к числу тех здравомыслящих патриотов, которые осознают: система и власть могут быть разными, а Родина-то у нас одна. С этим чувством раз за разом и «мотался» он в смертельно опасные командировки. И все же нет-нет да и прорывалось в его рассказах и стихах чувство горечи от того, насколько глубоко проникло в российские «верхи» предательство. После Хасавюртовских соглашений Харченко с болью напишет: *Вот и закончилась война. Комбат, покурим. под стаканчик русской водки. Скажи,*

За что нас так подставила

Москва?

И мы уходим, Огрызаясь, Словно волки...

Здесь следует сделать отступление. В Чечне, где Александр Харченко находился около двухсот дней и ночей, было опасно, кроваво. Но подогреваемая, спонсируемая извне и изнутри России чеченская война шла не только на Кавказе, но и в кремлевских кабинетах, СМИ. Не столь явная для обывателя, подлая и коварная со стороны врагов России и их холуев, она по своему проявлялась и в Твери, где, например, происходили манипуляции с чеченскими авизо, используемыми для финансирования боевиков.

Всего в главном информационном агентстве страны Александр Харченко прослужит 38 лет. Его считали «старейшиной журналистского спецназа». Он удостоился медалей ордена «За заслуги перед Отечеством» первой и второй степени, медалями «За трудовое отличие», «За отличие в воинской службе», «За ратную доблесть», знака «Участник боевых действий». Одну из медалей, «За заслуги перед Отечеством» первой степени, ему вручал президент Владимир Путин.

Саша дорожил наградами, но не кичился ими, был скромным радушным, отзывчивым, сразу располагал к себе. Про таких обычно говорят: у него душа нараспашку. Помнится, мне позвонила андрепольская землячка: не поможете ли моему зятю-офицеру перевестись из Нижнего Новгорода в Тверь. Отказать, посчитал, неудобно, поскольку офицер желал перевестись не на «легкие хлебы»: тверская бригада воевала в Чечне, несла потери. Я позвонил Саше, он созвонился с комбригом, полковником (впоследствии генерал-полковником, Героем России) Владимиром Васильевичем Булгаковым. Вместе с молодым офицером мы приехали

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

в тверской микрорайон, где базировалась бригада. Булгаков, внешне суровый, в сорок лет поседевший, переживший тяжелое ранение в Афгане, на наших глазах устроил офицеру строжайший экзамен. Тот на все вопросы ответил четко.

Владимир Васильевич, по-теплов взглядом, заключил:
– Сынок, ты бригаде нужен.

Офицер нас с Сашей не подвел: занял призовое место на окружных артиллерийских стрельбах.

Позже Саша посвятит героическому командиру 166-й Тверской гвардейской мотострелковой бригады генерал-майору Булгакову В.В. стихи:

*Давай обнимемся, генерал,
и вспомним нашу Чечню.*

*Как в Ханкалу ты прислал за мной
седую броню.*

Апрель бушевал в Атагах,

их ПТУРы летели в нас...

Не хочется быть в дураках,

Васильич, в который раз...

При всей своей широкой доброте и общительности, Александр Харченко отличался принципиальностью и прямоотой. В начале 2001 года, после длительной травли, я был уволен по сокращению штатов в связи с реорганизацией газеты и на шесть лет, до выхода на нищенскую пенсию, оказался безработным. В ту пору от вынужденного стоять на бирже труда в очереди с девчушками-пэтэушницами «неуправляемого редактора» отвернулись некоторые прежние «друзья». К ним добавилась часть бывших коллег, искусившихся двойным повышением зарплаты (с легкой руки моего первого заместителя, известного тверского писателя Михаила Петрова, тоже изгнанного из редакции, их стали называть «зарплатовцами»). Но Саша всегда оставался настоящим, искренним другом. Как-то мы встретились по случаю того, что оба стали победителями регионального журналистского конкурса «Боевое братство». О многом переговорили на

турбазе «Верхневолжская». В конце разговора Харченко обронил:
– Валера, я в «Тверскую жизнь» перестал заходить. Атмосфера не та.

Эта «атмосфера» доведет старейшую газету области до закрытия. Измельчавший в профессиональном отношении, пораженный приспособленчеством коллектив и не подумал публично возмутиться несправедным, на мой взгляд, решением власти...

Запомнилась еще одна встреча. Саша, уже не работающий в ИТАР-ТАСС и терзаемый болезнью, пригласил меня на представление в областной библиотеке имени Горького своей книги «Давайте не встречаться на войне». Зал был полон, среди гостей оказалось немало людей, прошедших «горячие точки». Много теплых, уважительных слов прозвучало тогда в адрес Саши. Вскоре он станет членом Союза писателей России. Это событие взбодрило его, но болезнь прогрессировала, ампутация ноги становилась неизбежной.

Настроение после операции у Саши было, мягко говоря, неважное, но он мужественно держался. Спасение нашел в творчестве. Перейдя к прозе, часами просиживал за компьютером. За роман «Чеченский блюз» удостоился премии Союза журналистов России. Вышла еще одна объемная книга - «Я стал частью этой войны...» Появились новые стихи. Жизнь требовала его и в политике. Александр Харченко, с его авторитетом в тверской патриотической среде, критически высказался о Солженицыне. Поводом явилось граффити этого писателя, появившееся на одном из зданий в центре Твери.

– Мне – сыну фронтовика, – написал он, – сама по себе неприятна история с изображением Александра Солженицына, потому что она произошла в Твери – Городе воинской славы РФ, первом областном центре, освобожденном Красной Армией в декабре 1941-го, и в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне...

Заявление Харченко обосно-

вал оценкой деятельности Солженицына во вред Отечеству, о чем и сообщил мне в сентябре 2020 года: «Валера, привет! А вот что я написал на тему Солженицына». Исследование получилось объемное, убедительное. До этого фамилия Александра появилась под коллективным письмом патриотических политиков и общественных деятелей. Оно разоблачало ложь о расстреле 6 тысяч польских офицеров, якобы совершенном сотрудниками НКВД возле села Медное. «К сожалению, многие российские общественники и политические деятели забывают, в какой стране родились, и, вопреки фактам, идут на поводу у фальсификаторов истории», - отмечалось в письме. Надеюсь, не за горами время, когда эта ложь, как и геббельсовская ложь о «Катынском расстреле», будет развеяна на высоком официальном уровне...

Знаю, как терзала чуткое, горячее сердце Харченко мысль о вопиющей социальной несправедливости и бездуховности, поразившей Россию. Как болезненно переживал он разрушение традиционной русской культуры, падение престижа журналистской профессии. В ней прописался холодный, расчетливый индивидуализм. Служение Отечеству для многих заменилось служением бизнесу, деньгам, часто грязным. Оттого и не в ходу нынче некогда привычное выражение «собратья по перу».

...За три дня до беды мы разговаривали по телефону – Саша находился с обострением диабета в областной клинической больнице. Голос был слаб:

– В понедельник, двадцать шестого декабря, врачи скажут о моих перспективах. Прорвемся.

Безмерно жаль, что прорыва не случилось. Осталась добрая память о прекрасном человеке и отважном журналисте, настоящем патриоте России Александре Антоновиче Харченко.

Валерий Кириллов,

писатель, лауреат премии

«Слово к народу»

г. Андреаполь

Наснимке: Александр Харченко

• Неожиданный ракурс

«...И СТАНЕТ МИР ПРЕКРАСНЕЕ»

МАРИНА Лаврентьевна Попович известна как знаменитая летчица, установившая множество мировых рекордов. Известно, что она родилась 20 июля 1931 года на хуторе Леоненки Велижского района Западной области в семье Лаврентия Федосовича Коровкина-Васильева и Ксении Логиновны Щербаковой. Детство же ее прошло в деревне Самусенки, которая находилась недалеко от поселка Жарковский Калининской (ныне Тверской) области.

В семье было пятеро детей. После несчастья со старшей сестрой Зоей, которая трагически погибла, старшей стала Марина. Отец перегонял плоты по Западной Двине, но при этом увлекался музыкальным искусством, сам делал скрипки и хорошо играл. *«Мой папа был скрипачом, с детских лет я с ним выступала на концертах (играла на маленьких цимбалах), а дядя Карп - на баяне. Такой был у нас семейный инструментальный ансамбль. Поэтому родители и родственники были уверены: мое будущее - музыка»,* - позже вспоминала она.

Сестра Марины Валентина окончила консерваторию, стала впоследствии дирижером в театре. Двое братьев матери были летчиками; война подсказала и ей сделать выбор в пользу летного искусства. В начале Великой Отечественной войны семью эвакуировали в Новосибирск, но позже она рассказывала: *«Мы жили под Смоленском, в небольшом городке Велиже. нас постоянно бомбили, вот тогда я и посмотрелась ужасов войны... После этого в партизаны ушли мои двоюродные братья Миша и Володя Иванутины, которым было по*

9-12 лет. Память войны она очень крепкая... Так вот, почему я хотела летать. Я хотела отомстить фашистам. Отомстить. Но пока я росла, фашистов не стало, а желание научиться летать - осталось...»

Как отмечается в Википедии, летать Марина Васильева начала в 1948 году. В 1951 году она окончила авиационный техникум в Новосибирске, после чего работала инженером-конструктором на заводе имени Коминтерна (1951-1953). По окончании Центральной летно-технической школы ДОСААФ в Саранске (позже Московский филиал Киевского авиационного института) она некоторое время работала там инструктором, а с 1958 года стала летчиком-инструктором в Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова. Чтобы получить право управлять истребителем, она добилась приема на военную службу, а позже окончила Ленинградскую академию гражданской авиации.

Доводилось слышать, что со временем родители Марины переехали в п. Жарковский куда неоднократно приезжала Марина. Так ли это? И вот в автобиографической повести Марина Лаврентьевны «Старт над облаками», напечатанной в сборнике «Жизнь - вечный взлет» (изд-во Молодая гвардия, 1978), обнаружилось тому подтверждение: *«Впереди двухмесячный отпуск.*

Родители к тому времени уе-

хали из Сибири на свою родину, на Смоленщину. Жили они в поселке Жарковском, в пяти километрах от железнодорожной станции.

И вот я снова в родных краях...

Мой отпуск подходил к концу, когда к нам в поселок приехал один летчик. Собственно, для меня его приезд не был неожиданностью.

Познакомились мы с ним четыре года назад, в 1951 году... Он закончил летное училище и получил диплом летчика-истребителя.

Мы поженились...»

Речь идет о первом муже Марины Лаврентьевны, будущем космонавте Павле Романовиче Поповиче (1930-2009), с которым она прожила в браке 30 лет.

С 1960 года Марина Попович овладевала техникой пилотирования на реактивных самолетах. Именно она первой из советских женщин-летчиков-испытателей МиГ-21 преодолела звуковой барьер (за что в западной прессе получила прозвище «мадам МиГ»). В течение следующих нескольких лет она установила 102 мировых рекорда.

Военный летчик-испытатель 1-го класса, заслуженный мастер спорта СССР, 102-кратный рекордсмен мира, полковник-инженер, доктор технических наук, **(окончание на стр. 14).**

(начало на стр. 13).

профессор, Марина Лаврентьевна Попович последние свои годы провела в Краснодарском крае, где они со вторым мужем, генерал-майором в отставке Борисом Александровичем Жихаревым приобрели участок и построили дом. Скончалась в Краснодаре 30 ноября 2017 года.

Памяти легендарной женщины Марк Горбовец посвятил стихотворение:

Военный летчик-испытатель,
Стократный мира рекордсмен,
Доктор наук, профессор и
писатель,
Полковник – крупный инженер.

Рекорды скорости и дальности
полета,

Прыжок чрез звуковой барьер,
Полет на реактивных самолетах,
Достойный родины пример.

Она пыталась космонавтом стать,
И вникла в это дело емко,
Хотела звездочку достать
И в космосе устроить гонку.

Она была отважный и пылливый
человек,
Все знала о летающих с других
планет объектах
И вот уж мысли в уфологию забег –
Ей надо было знать о жизни на
других планетах.

Не секрет, что перу Марины Лаврентьевны, помимо вышеупомянутой повести, принадлежат и другие книги: «Прыжок в

небо», «Хождение за два Маха», «Сестры Икара», «Автограф в небе», «НЛО над планетой Земля», «УФО-гласность», «Магия неба», «Наедине с небесами» (в соавторстве с Б. А. Жихаревым), «Система передачи информации» (в соавторстве с В. Поповой и Л. Андриановой), «Письма внеземных цивилизаций» (в соавторстве с В. Поповой и Л. Андриановой), всего 14 книг. Она была принята в члены Союза писателей России.

Однако мало кто знает, что Марина Лаврентьевна обладала еще и поэтическим даром. В повести «Старт над облаками» приведены два ее стихотворения.

Ромашки

*Ромашки на краю аэродрома,
Простые и нарядные.
Я снова на земле, я снова дома,
Мои вы ненаглядные.*

*Нет, не сомну, не наступлю ногой.
А к вам склонясь, счастливая,
Я проведу по лепесткам рукой –
Какие вы красивые.*

*Сорву два солнечных цветка,
Поставлю в тихой комнате.
И, засыпая, трону вас слегка,
Вы детство мне напомните.*

*А утром, снова уходя в полет,
Возьму вас в небо ясное.
Взгляд на ромашки упадет,
И станет мир прекраснее.*

Летчику испытателю Борису Степановичу Дементьеву

*Осень вас еще не донимала –
Много впереди и зим и лет...
Мы успели совершить немало,
Много на счету у нас побед.
В небе зрели, в небе воевали,
Будучи орленком молодым.
Но орлом, как в песне, называли,
По делам, заслугам боевым. –
Подожженных десять самолетов
С черными крестами на борту,
Годы испытательных полетов
Все на вашем боевом счету.
Даты ваших дел запоминая,
Вечность перелистывает дни,
Будущим орлам напоминая,
Чтобы так летали и они.
Верим в ваши новые высоты –
Из возьмете, верно, не спеша...
Никогда не кончатся полеты,
Если есть крылатая душа.*

Остается добавить, что Марина Лаврентьевна Попович была активной участницей женского движения «Надежда России», являлась действительным членом Платоновской Академии наук (Франция), Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург), Международной Духовной Академии и членом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. Ее и П.Р. Поповича род продолжают две дочери (обе окончили МГИМО): Наталья Павловна (род. 1956) и Оксана Павловна (род. 1968), две внучки Татьяна и Александра, а также внук Майкл (живет в Англии).

Б. Платонова

«Отражение»

стр. 14

Театральный коллектив «Отражение» в Нелидове существует при Дворце Культуры «Шахтёр» с 2004 года. Создала его и руководит Евгения Земскова. В 2011 году коллективу присвоено звание образцового. В составе труппы дети, молодёжь и взрослые.

Сейчас дворец закрыт на ремонт, репетиции проходят в здании бывшей гимназии. Там же недавно коллектив предста-

вил очередную работу: пьесу «Вольные псы» по рассказу К. Сергиенко «До свидания, овраг». И уже заслужил зрительские отзывы: «Большое спасибо замечательным артистам театрального коллектива «Отражение» за глубокий и серьёзный спектакль! Пробуждайте в людях своим творчеством самые лучшие чувства».

М. Алексеева

Памятник Сталину в Андреаполе был

Здравствуйте, уважаемые товарищи из «Двинского бережка»! От одного андреапольского ветерана я слышал, что в Андреаполе был памятник И. Сталину. Перед оккупацией района он куда-то исчез. Будто бы бюст с него закопали на берегу Западной Двины, недалеко от того места, где находится сейчас баня. Пытался выяснить, был ли такой памятник, и что с ним стало, но безуспешно. Многие категорически говорят, что памятника такого вообще не было.

Н. Иванов

Награда - Артек

Школьницы из Тверской области стали участницами второй смены, посвященной науке и научно-техническому творчеству, которая стартовала в Международном детском центре «Артек». Тверской регион представили Арина Вердибоженко, учащаяся Андреапольской средней школы №1, и Виктория Апостолова, учащаяся Тверского Центра образования №49. Обе – победители Всероссийского конкурса «Большая перемена».

От редакции: памятник И. Сталину в Андреаполе был, рядом со старым зданием железнодорожного вокзала. В подтверждение публикуем фото 1941 года (ориентировочно август). На нем запечатлена, видимо, группа бойцов истребительного батальона. Что стало с бюстом, неизвестно. Возможно, кто-либо из наших читателей поможет ответить на этот вопрос.

Главным событием смены стал фестиваль науки. Молодые ученые, изобретатели и научные шоумены провели физические и химические шоу, инженерные мастер-классы, научные дискуссии.

В ходе смены прошли научно-исследовательские конференции.

Всего на смену «На пороге научных открытий» в «Артек» съехались ребята из 62 российских регионов.

М. Алексеева

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ...

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала душа.
Полюбил я её,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно.

Тра-ля-ля ля-ля-ля,
Ещё раз тра-ля-ля,
А она на любовь
Смотрит так холодно.

Не понравился ей
Моей жизни конец,
И с немым, назло мне,
Пошла под венец.
Не видала она,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.

Тра-ля-ля ля-ля-ля,
Ещё раз тра-ля-ля,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.

Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом:
Я в каморку свою
Пробирался с трудом.
Взял я острый кинжал
И пронзил себе грудь,
Пусть невеста моя
Похоронит мой труп!

Тра-ля-ля ля-ля-ля,
Ещё раз тра-ля-ля,
Пусть невеста моя
Похоронит мой труп!

(Музыка народная, стихи
А.Давыдова в переработке
Н.Пашикова)

Иннокентий Анненский

(1855-1909)

СТАРАЯ УСАДЬБА

Сердце дома. Сердце радо. А
 чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины – тощи,
 страх!
Дом – руины... Тины, тины что в
 прудах...

Что утрат-то!... Брат на брата... Что
 обид!...
Прах и гнилость... Накренилось...
 А стоит...

Чье жилище? Пепелище?... Угол
 чей?
Мертвой нищей логовище без
 печей...

Николай Заболоцкий

(1903-1958)

* * *

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.

Золотой запас

Ну как встанет, ну как глянет из
окна:
«Взять не можешь, а тревожишь,
старина!

Ишь затейник! Ишь забавник! Что
за прыть!
Любит древних, любит давних
ворошить...

Не сфальшивишъ, так иди уж: у
 меня

Не в окошке, так из кошки два
 огня.

Дам и брашна – волчьих ягод,
белены...

Только страшно – месяц за год у
ЛУНЫ...

Столько вышек, столько лестниц –
двери нет...

Встанет месяц, глянет месяц – где
твой след?..»

Тсс... ни слова... дадь былого – но
сквозь дым
Мутно зрима... Мимо... мимо... И к
живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не
поймү...

Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.

Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.

Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

Алексей Сурков

(1899-1983)

ДЕВУШКА В ШИНЕЛИ

Вспомни ночь, метельную,
 шальную,
Вспомни домик на краю села.
Как в семью знакомую, родную,
Ты в блиндаж к разведчикам
 пришла.

Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской дружбы
фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Нас метель несла на крыльях
белых
По полям заснеженным вперёд.
Впереди отчаянных и смелых
Ты с гранатой шла на вражий ДОТ.

И звенел под липами погоста
Молодой и дерзкий голос твой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Ты проходишь, плечи не сутуля,
Самым смелым равная в бою.
Не посмеет вражеская пуля
Посягнуть на молодость твою.

Будут помнить долго нашу поступь
Снеговые дали под Москвой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.